

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

МОСКВА • 2007

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЯ В НОВОМ ВЕКЕ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ЗАСЕДАНИЙ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА
КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

2006 год

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Заседания Экспертного совета

1. Актуальные задачи Совета Федерации в работе с международными парламентскими организациями	7
2. Модернизация России и Европа. Национальная модернизация и развитие четырех общеевропейских пространств	31
3. Парламентская составляющая многостороннего сотрудничества государств в рамках Шанхайской организации сотрудничества	77
4. Актуальные проблемы национальной безопасности	104
5. Актуальные вопросы сотрудничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума	148
6. Актуальные проблемы энергетической безопасности	174
7. Перспективы урегулирования территориальных и приграничных вопросов в отношениях Российской Федерации с Европейским союзом (часть 1)	223
8. Перспективы урегулирования территориальных и приграничных вопросов в отношениях Российской Федерации с Европейским союзом (часть 2)	241
9. Обеспечение конкурентоспособности Российской Федерации в условиях ее членства в ВТО	261
10. Участие России в "Большой восьмерке"	281
11. "Северное измерение": роль и место России	300
12. России нужна новая внешняя политика	318

13. Актуальные вопросы внешней политики России	363
14. Военно-политические интересы России	383
15. О проектах федеральных законов "О безопасности" и "О Совете Безопасности Российской Федерации"	454

* * *

Состав Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам	471
Список участников заседаний Экспертного совета	474

6. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (Из стенограммы от 11 апреля 2006 года)

C. Кортунов. 2006 год во многом благодаря усилиям России стал годом энергетической безопасности. Энергетика является важнейшим фактором как национальной, так и международной безопасности. Россию, как известно, уже в начале января этого года обвинили в "энергетическом империализме" и даже "энергетическом рэкете". Мы, конечно, понимаем, что энергетика является серьезным политическим фактором, фактором геоэкономического и geopolитического влияния.

В СМИ часто пишут: "Россия — энергетическая сверхдержава". Мы сегодня будем обсуждать вопрос, насколько этот тезис правомерен и насколько серьезные политические реалии за ним стоят. С моей точки зрения, "энергетических сверхдержав" не бывает, сверхдержавы бывают индустриальные и постиндустриальные. Саудовская Аравия, как известно, не является сверхдержавой или даже великой державой. Россия же претендует на великодержавие. Вопрос этот отнюдь не риторический, и если его вывести из пропагандистского в аналитическое измерение, то станет ясно, что державный энергетический путь развития отличается от колониального энергетического пути развития. И выбор между ними зависит от двух условий: от состояния самой энергетической отрасли и от умения использовать "энергетическое оружие" в политических целях, то есть в качестве инструмента политического влияния. Состояние дел в нашей энергетической сфере далеко не самое лучшее, и если дело будет идти так, как оно идет сейчас, то это ставит крест на всех амбициях и иллюзиях в отношении России как "Энергетической сверхдержавы". Если же говорить об умении использовать энергетический фактор как политический инструмент, то следует признать, что мы пока не научились этого делать. Российско-украинский энергетический кризис показал, что в политическом смысле мы здесь полностью проиграли, если действительно были некие планы использовать "энергетическое оружие" в качестве политического.

Но главное не внешнеполитическое измерение этой проблемы, а внутренне политическое. Нас в первую очередь интересует вопрос о том, является ли проект "Россия как энергетическая сверхдержава" (или "энергетическая империя") модернизационным проектом или проектом демодернизационным, а также как сделать наши явные энергетические преимущества фактором реальной конкурентоспособности России в условиях глобализации. С этой точки зрения и нужно оценивать наше участие в различного рода международных мероприятиях, в том числе и в различных международных соглашениях. В частности, в "восьмёрке", в соглашениях с Европейским союзом, в ВТО, в Энергетической хартии. Если будет обосновано, что наше присоединение к Энергетической хартии, ратификация соответствующего договора не будет способствовать конкурентоспособности России, то тогда и не стоит к ней присоединяться. Среди участников нашего заседания — Андрей Александрович Конопляник, заместитель Генерального секретаря Секретариата Энергетической хартии. Он нам позже приведет, видимо, аргументы в пользу того, что наше присоединение к Энергетической хартии — дело хорошее, способствующее конкурентоспособности России.

А. Арбатов. Я расскажу о месте России в энергетической системе мира, в основном об углеводородном потенциале.

Россия входит в первую пятерку стран по разведенным запасам нефти. Она занимает первое место по добыче нефти, находясь в непрерывной борьбе с Саудовской Аравией. Первую пятерку потребителей нефти составляют США, Китай, Япония, Германия и Россия. Причем Россия и Германия находятся на встречных курсах: Германия уменьшает потребление, Россия будет его увеличивать. Россия является одним из крупнейших экспортеров нефти и нефтепродуктов, соперничая в этом с Саудовской Аравией. Доля идущей на экспорт нефти и нефтепродуктов, пересчитанных на нефть, составляет приблизительно две трети от общей добычи. То есть большую часть нефти мы экспортствуем. Такова исходная позиция России в мировом энергетическом секторе в отношении нефти.

Газ. У нас первое место по запасам газа, первое место по его добыче. Одну треть добычи составляет экспорт. У нас растет доля попутного газа. Это относится к основной газодобыче "Газпрома". Сейчас она достигает 20 млрд. кубометров, может быть и больше, это очень часто скрывается. Степень газификации страны в среднем порядка 50 процентов, причем 60 процентов газифицированных объектов приходится на города и 40 процентов — на сельскую местность.

Уже эти позиции говорят о том, что авторы тезиса об "энергетической сверхдержаве" немножко погорячились. И по использованию, и по энергоемкости, и по доле в ВВП, и по эффективности использования нефти, и

по другим параметрам мы на "Энергетическую сверхдержаву" не тянем. И вообще ни одна страна не провозглашала такую цель — стать "энергетической сверхдержавой". Мы являемся ведущими, ключевыми экспортёрами энергоресурсов. Но по запасам у нас очень тяжелая ситуация, особенно по нефти, да и по газу. До 2015 года у нас вырабатывается практически вся созданная в СССР минерально-сырьевая база. Уже сейчас мы переходим ко все более бедным запасам, к мелким объектам. Пока мы можем приращивать запасы не за счет открытия крупных месторождений, а за счет повышения коэффициента нефтеизвлечения. В последний год у нас впервые прирост запасов превысил текущую добычу, и из них 60 процентов прироста — за счет увеличения коэффициента нефтеизвлечения в ряде месторождений Ханты-Мансийского автономного округа. То есть положение очень напряженное, темпы роста упали. Далее — стабилизация, а затем и снижение темпов роста добычи нефти.

По газу у нас ситуация вроде бы получше, но все крупные месторождения находятся в очень тяжелых условиях. То же Штокманское месторождение, которое готовится к разработке. Оно на грани рентабельности. Причем не обеспечено предоставление налоговых льгот по его разработке. Я не говорю уже о восточно-арктических шельфах, что восточнее Карского моря. Это высокозатратные, рисковые проекты, которые нуждаются в организации финансирования и законодательном обеспечении. Мы сейчас живем в отношении нефти на низком внутреннем потреблении. Но это у нас произошло не потому, что мы стали рачительно расходовать нефтепродукты, а просто у нас произошли серьезные структурные сдвиги в экономике: деградация высоконефтяных отраслей. У нас выросла доля услуг, в том числе неэнергетических. И такой уровень энергопотребления, видимо, сохранится долго. Он будет расти, конечно, с развитием промышленного производства, но все равно будет невысок. Поэтому значительная часть нефти, даже при падающей ее добыче, будет оставаться свободной для экспорта. Тут есть свои особые вопросы и своя экспортная стратегия, которую надо соблюдать, чтобы получить максимальную эффективность от экспорта нефти.

Нам надо продавать ее, увеличивать долю экспорта в моменты наиболее благоприятной ценовой конъюнктуры и, наоборот, пытаться резервировать нефть, когда складывается неблагоприятная конъюнктура. А резервировать ее сейчас будет довольно легко. У нас несколько трубопроводных проектов, причем не обеспеченных нефтью, и можно резервировать нефть, чтобы не останавливать работающие скважины, и выбрасывать эту нефть на рынок в наиболее благоприятные моменты, что даст большой эффект в результате ее продажи. Необходимо грамотно и эффективно распорядиться нашими углеводородными ресурсами. Это яв-

ляется главной задачей для России как государства, которое претендует на роль видного игрока в энергетическом секторе.

У нас часто говорят об энергетических ресурсах как о каком-то факторе политического влияния. Вы знаете, это обоюдоострый фактор. Неизвестно, кто от кого зависит. Мы, можно сказать, уже пришли к "тяжелой" нефти, добываем ее все с большими затратами. И доходы от экспорта у нас будут падать. Нам необходимо размещать нефть на наиболее перспективных рынках и в наиболее перспективные моменты. А что касается того, что обладатель нефти имеет преимущества, то это сомнительно. Мы считаем, что если у нас есть нефть и газ, то мы можем диктовать условия на рынке. Но чем более неприемлемые и грубые условия мы будем ставить, тем более изощренно и стремительно потребители будут избавляться от наших услуг как экспортёров. Так что тут тоже надо не переборщить.

Естественно, при всем том нам надо использовать наши преимущества и быть одним из модераторов на рынке. Мы не можем быть единственным регулятором мирового рынка, мировых отношений в энергетической сфере. Мы можем договариваться иногда с потребителями нефти, иногда с производителями нефти, чтобы к нам обращался и ОПЕК, чтобы мы выбросили дополнительное количество нефти на рынок. Это может быть невыгодно в тот момент, и тогда мы можем договариваться с потребителями, поставляя им на взаимовыгодных условиях необходимое количество энергоресурсов. В общем, я вижу роль России как страны, которая может вносить определенную стабильность, ликвидировать и смягчать наиболее острые и кризисные моменты мировой энергетики своим присутствием, своим участием.

C. Кортунов. Честно говоря, от господина Арбатова я услышал именно то, что и хотел услышать: разгром нового, весьма сомнительного проекта Кремля "Россия как энергетическая сверхдержава". Особенно ценно то, что это сделал энергетик с мировым именем. Впрочем, могут быть и другие точки зрения на этот счет.

A. Денисов. В последнее время вопросы обеспечения глобальной энергетической безопасности являются объектом исследований различных зарубежных исследовательских центров. Все чаще они становятся ключевой темой всевозможных международных встреч. В рамках подготовки к саммиту "большой восьмерки" 2006 года к исследованию этого вопроса подключились российские экспертные круги. Повестка дня Экспертного клуба "Аквилон" свидетельствует о стремлении экспертов разобраться в этом вопросе. Действительно, потребление ресурсов возрастает на фоне их исчерпания, и стратегически речь идет о возможности удовлетворения растущего спроса на углеводороды на период до освоения но-

вых, альтернативных источников энергии. При этом в мире осталось не так уж много мест, где возможен рост добычи углеводородов. Это Ближневосточный регион, в основном Саудовская Аравия, это Каспийский регион, где уже реализуется несколько перспективных добывающих и транспортных проектов. И это Россия, все еще обладающая значительными запасами углеводородов, в том числе на шельфе и в труднодоступных районах.

Внешнеполитические реалии сегодняшнего дня таковы, что потребители не могут рассчитывать на стабильные долгосрочные поставки из Ближневосточного региона. Нестабильная военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке обостряет проблему мировой энергобезопасности, выводит ее на новый уровень. США вообще считают освобождение от жесткой энергетической привязки к Ближнему Востоку одной из наиболее важных задач национального масштаба.

В связи с этим обращает на себя внимание уникальность России с точки зрения ее энергообеспеченности. Территория России занимает примерно 11,4 процента суши на Земле, то есть порядка одной девятой ее части. Численность населения — 142 млн. человек, что составляет менее 2 процентов от численности населения мира. И при этом в стране сосредоточено 45 процентов мировых запасов природного газа, 13 процентов — нефти, 25 процентов — угля и 14 процентов — урана. Это достаточно внушительные цифры, которые позволяют характеризовать роль и место России в обеспечении мировой энергетической безопасности.

Вообще Россия де-факто исполняет роль своего рода ресурсного буфера для мировой энергетики. С 2000 года она дала примерно 40 процентов прироста мировой нефтедобычи, что стало решающим фактором сохранения баланса спроса и предложения. Строго говоря, весь прогнозируемый период мирового энергопотребления на предстоящие 15—20 лет может быть покрыт за счет увеличения добычи на шельфовых месторождениях России. Конечно, рост добычи будет происходить везде, где для этого есть возможности. Но декларирование со стороны России ставки на российские углеводороды может послужить стабилизирующим фактором. Пока не ясно, будет ли принята партнерами по "восьмерке" и ведущими потребителями стратегия "энергетической опоры на Россию". Недоверие к России достаточно велико, и мы сами много делаем для этого. Однако нашим партнерам предстоит выбирать между нестабильным Ближним Востоком и непредсказуемой Россией. Другого выбора, кроме альтернативных источников энергии, у них практически нет.

Что же можно предложить в плане обеспечения энергетической безопасности в глобальном масштабе? В первую очередь это может быть совместная разработка российских топливно-энергетических ресурсов и

создание необходимой экспортной инфраструктуры. Председательство в "восьмерке" как раз и может быть направлено именно на это. Акцент следует сделать на создании глобальной системы сотрудничества на мировых рынках углеводородного сырья, оснащенной страховочными механизмами, дублирующими связями, всякого рода резервами, о чём говорил господин Арбатов, и ресурсами. Россия могла бы играть в этой системе роль одного из гарантов надежности поставок.

Стратегическая ставка должна быть сделана на массированные инвестиции в расширении добычи и энергосбережение в самой России, а также в ускорение разработки альтернативных источников энергии, что представляется в значительной мере определяющим фактором. Наконец, на совместную работу по предотвращению и ликвидации последствий природных и техногенных катастроф, на борьбу с угрозой терроризма в энергетической сфере.

Надо сказать, что атомная энергетика становится все более значимым компонентом энергетической безопасности. И Россия могла бы предложить мировому сообществу совместный проект "безопасного атома", который предусматривает совместную деятельность по строительству и эксплуатации АЭС в наиболее энергоемких районах планеты при четком соблюдении принципа недопущения неатомных государств, в первую очередь стран-изгосв, к технологиям, позволяющим выходить на производство ядерного оружия. В России есть серьезные разработки по созданию экологически чистых энергетических реакторов, исключающих риски применения в военных целях. Наверное, наша страна готова поделиться этими разработками с другими странами.

Еще одно из направлений энергетической безопасности — сжиженный природный газ. В настоящее время на мировом газовом рынке происходят значительные изменения, связанные с ускорением развития проектов по сжижению природного газа (СПГ). Обладание технологиями по производству СПГ в среднесрочной перспективе станет одним из основных инструментов конкурентной борьбы за лидерство в мировом ТЭКе. В нашей стране разрабатываются такие экспортно-ориентированные проекты по производству СПГ, в том числе с участием иностранного капитала, как "Сахалин-2", разработка Штокманского месторождения, создание инфраструктуры по сжижению и экспортту газа в Ленинградской области. Однако представляется, что действия иностранных партнеров на российском рынке СПГ могли бы быть более активными с учетом того, что Россия имеет ряд неоспоримых преимуществ перед другими конкурентами.

Наконец, важно помнить, что энергетическая безопасность в глобализирующемся мире с его актуальными угрозами и вызовами не сводится исключительно к обеспечению потребности в энергетических ресурсах.

Комплекс мер по обеспечению энергобезопасности в мировом масштабе включает борьбу с международным терроризмом, приобретающим все более транснациональный характер, урегулирование региональных проблем и конфликтов, военно-ядерную безопасность. В этих областях Россия пока играет далеко не последнюю роль в мировом сообществе.

И еще один аспект. Было бы ошибкой ограничивать число участников переговоров по энергетической проблематике только узким кругом избранных, например "восьмеркой". Сегодня немыслимо рассуждать о стабилизации мирового рынка энергоресурсов, не привлекая к этому разговору таких крупнейших потребителей, как Китай или Индия, тем более что экономический потенциал этих стран давно позволяет им на равных вести разговор в рамках любого международного объединения.

Безусловно, это далеко не полный перечень актуальных проблем в сфере энергетики, пути решения которых Россия может предложить мировому сообществу в рамках проекта по обеспечению глобальной энергобезопасности. Однако необходимо помнить, что взаимодействие в этой сфере требует открытого и безусловного партнерства. Не будем забывать, что наши западные партнеры в энергетической сфере заинтересованы в России не меньше, чем мы в них. И этим грех не воспользоваться. Но существует опасность скатывания от обсуждения совместных проектов к элементарному "затыканию энергетических дыр", что чревато превращением нашей страны не в "энергетическую сверхдержаву" (этот термин мне тоже очень не нравится), а в сырьевой приюток Запада. Поэтому хотелось бы, чтобы Россия смогла использовать растущий интерес ключевых потребителей к проблемам энергобезопасности с пользой для себя.

Как в рамках "восьмерки", так и в более глобальном контексте следует акцентировать внимание на энергетических угрозах для самой России. Это непомерно высокая энергоемкость российской промышленности, снижение добычи на разработанных месторождениях, крайняя износшенность и устарелость коммунальных энергетических систем, нефт- и газотранспортных сетей, нефтеперерабатывающих мощностей.

Без крупных капиталовложений российский ТЭК самостоятельно не справится с образовавшимися в отрасли стагнацией и спадом добычи. Немалая часть вины за это лежит и на российском Правительстве, которое под лозунгом сохранения национального достояния тормозит допуск иностранных инвесторов в сферу разведки, добычи и транспортировки нефти и газа. Хотя именно в России есть возможность существенного увеличения добычи нефти и газа за счет месторождений северных морей и углеводородных богатств Восточной Сибири.

Следует также пригласить партнеров к интенсивному сотрудничеству по внедрению в России энергосберегающих технологий. Пора уже поду-

о более рациональных подходах к добыче нефти, экспорту нефти и о новых технологиях в энергетике, чтобы не оставить наших потому разбитого корыта. В свою очередь, российские нефтегазовые компании, и мы это видим на примере "Газпрома" и "ЛУКОЙЛА", крайне заинтересованы в добыче и разработке энергоресурсов наиболее перспективных районов мира с выходом на международные рынки, рынки добычи, разработки, продаж. Собственно говоря, это та линия, которой сейчас держиваются "Газпром" и "ЛУКОЙЛ".

Необходимость совместных действий обусловлена не только кризисом состоянием мировой энергетики. У стран — лидеров мирового сообщества фактически нет другого пути выживания в условиях грядущего дефицита, как кооперация совместных политических и финансовых усилий в энергетической сфере. Без необходимой кооперации мир в обозримой перспективе столкнется с таким глобальным энергетическим кризисом, который не смогут в одночасье погасить ни Саудовская Аравия, ни Россия, ни какая-либо другая страна.

Ю. Болдырев. У меня технический вопрос к первому докладчику. Учтите, пожалуйста, речь идет о реальном повышении коэффициента извлечения или о пересчете имеющихся запасов исходя из того, что мы по тем-то причинам считаем, что в будущем коэффициент извлечения будет более высоким?

А. Арбатов. Речь идет о реальном увеличении коэффициента извлечения, достигнутом на целом ряде месторождений в отличие от проектного. В связи с внедрением целого ряда технологий был получен более высокий коэффициент извлечения, по которому и пересчитали эти запасы.

Речь идет о конкретных месторождениях. Их порядка нескольких скоплений.

Ю. Болдырев. А к месторождениям, которые пока не находятся в разработке, этот метод не применялся?

А. Арбатов. К ним этот метод применять нельзя. Надо сначала посмотреть текущий коэффициент нефтеотдачи, а потом уже что-то высчитывать.

В. Волошин. У меня вопрос к Александру Аркадьевичу. Будут строиться газопроводы объемом до 80 млрд. кубометров в восточном направлении и до 55 — в западном. Хватит нам газа для того, чтобы обеспечить оставки?

А. Арбатов. В восточном направлении у нас не газифицированы Иркутская и Читинская области, Бурятия и целый ряд других мест. Там пока идет и речи о поставках газа. "Газпром", который является монополистом экспортной торговли газом, требует, чтобы месторождения в Иркутской области и юго-западной Якутии были предназначены только для ме-

стной газификации. Но местная газификация в таких условиях становится резко убыточной. Там надо либо создавать крупных потребителей типа алюминиевых заводов, либо ориентироваться на экспорт. ТНК-ВР хочет совместить газификацию этих мест, чтобы превратить проект из чисто социального и убыточного в проект окупаемый, коммерческий. "Газпром" имеет целый ряд претензий. В связи с этим проблема с газом там пока не решена.

В. Волошин. Вопрос ко второму докладчику. Вы сказали о том, что наша страна препятствует притоку иностранных инвестиций в области геологии, геофизики, допуску иностранных инвесторов к разработке новых месторождений. Можете ли Вы более четко сказать, что именно в нынешней политике является препятствием и чему, а что обосновано и оправдано?

А. Денисов. ТНК-ВР как иностранный концерн предлагает сделать этот проект коммерческим и пустить этот газ в том числе и за рубеж, в частности по китайскому проекту. "Газпром" выступает против этого, имея в виду не допустить иностранные фирмы к разработке данного месторождения.

А. Арбатов. "Газпром" не хочет нарушить свою монополию на экспорт газа. Они были бы против и отечественной компании.

А. Денисов. Сейчас, например, месторождение "Береговое" отчуждено в пользу "Газпрома". Есть и другие независимые производители газа, в том числе с иностранным участием, которым отрезают крылья, не дают развивать те проекты, которые уже были намечены.

В. Волошин. Значит, Вы говорите не о препятствовании на уровне законодательства, а о фактической монополизации нашего рынка?

А. Арбатов. В законопроекте о недрах есть положение об ограничении доступа иностранных компаний или компаний, которые имеют более 50 процентов иностранного капитала, к освоению ряда месторождений, имеющих стратегическое значение. Сначала не могли дать определение понятия "месторождение, имеющее стратегическое значение". Сейчас указаны три критерия. Первый — это земли военного назначения, то есть земли, на которых находятся военные объекты, приграничные земли. Но эти земли и так имеют особый статус.

Второй критерий — это сырье, имеющее сугубо военное назначение. Но такого сырья практически нет. Все сырье имеет двойное назначение. Мы можем договориться, чтобы иностранная добывающая компания производила какое-то сырье и все добываемое сырье продавала бы нам. Цена была бы меньше, чем на мировом рынке, потому что транспортировка приближена к потребителю.

И третий критерий — когда запасы большие каких-то контрольных пр. Но у нас сейчас такая ситуация, что чем крупнее месторождение, в более трудных условиях оно находится. У нас часто нет технологий, говоря уже о средствах. Где-то нужно использовать иностранное участие, без него просто не обойтись. По снижению газа у нас сейчас только набретается опыт на проекте "Сахалин-2". А что будет с природным газом? Там есть масса технологий, которыми мы не обладаем. В этих случаях мы должны самоустраниться. Причем добытое сырье само по себе не представляет какой-то опасности для обороноспособности. Все можно ворить. Прежде чем стать оружием или средством для ведения военных действий, оно проходит массу переработок, на которых устанавливают контроль. И все это делается просто. Но нет! Создаются такие условия, что конкретные люди определяют участников проекта. То есть это единственный очаг коррупции.

В. Рубанов. Почему у нас произошла деградация геологической службы?

А. Арбатов. К сожалению, это одна из издержек либерализации ми-рально-сырьевого сектора. Но не все в этой либерализации было плохо. Мы сохранили добывающую отрасль. Государство было не в состоянии ее поддержать. Благодаря этому мы сегодня имеем жизнеспособные нефтяные и другие добывающие компании. Но что-то и утрачено. Многие серьезные геологические работы ведутся сегодня на иностранной технике, авда, сейчас и наши компании пытаются что-то сделать. В общем, мыходимся на стадии восстановления. А как оно пойдет, не могу сказать.

А. Владимиров. У меня сложилось впечатление, что оба докладчика зорили, скорее, о безопасности потребителей энергоресурсов. Но, на-рное, вопрос энергетической безопасности — это вопрос двусторонний. Что говорить и о безопасности поставщиков, о стратегической безопасности, о стратегическом будущем, о том, что будет, когда закончатся ре-ссы.

В. Кудрявый. Вы совершенно правы. Посмотрите, кто попал в тяже-йший энергодефицит? Две столицы и Тюмень. Что-то можно придума-ть хуже? Нельзя. Ямал — это 92 процента газа. Уязвимость страшная. Ниток почти по одному коридору. Ханты-Мансийск рядом. Там процентов запасов нефти. Здесь важнейшие узлы. Мы хотим быть га-нтом, но тогда надо гарантировать всю транспортную систему — газо-воды, нефтепроводы, нефтепродукты, железнодорожный транспорт. Иностранные партнеры нам говорят: господа, почему у вас в принятии решения не участвуют эксперты? В СССР была государственная экспер-тиза, три отделения Академии наук проводили экспертизу. Все это ликви-

дировали. Все экспертные институты объединили. Надо сейчас, пока не поздно, скорректировать эти реформы.

Хотим мы или не хотим, мы должны тратить на подъем потенциала и инфраструктуры энергетики более 10 млрд. долларов — суммарно в атомную и традиционную отрасли. Надо искать людей созидательного плана, создавать большую управляющую компанию с отдельной структурой, ответственной только за инвестиционную деятельность.

Может быть, не все знают, что в нашем энергомашиностроительном корпусе произошли очень значимые консолидирующие события. Это Таганрог и Подольск. Это уже крупнейшие "фирмы-котельни" мира, с хорошими отношениями с иностранными фирмами, с лицензиями. А какой холдинг в электротехнической области создал Московский электрозвод! Он провел техническое персонаснение, его оборудование работает в Китае, он конкурирует с "Сименсом". Он купил несколько военно-промышленных комплексов и заводов, перевел их на электротехническое оборудование, строит сейчас крупнейший трансформаторный завод. То есть консолидация происходит. Про силовые машины я не говорю. Не все там хорошо. Не может РАО "ЕЭС России" руководить силовыми машинами. Нужно создать крупные компании, энергостроительные корпорации. Нашему энергомашиностроению нужна государственная поддержка длительными сырьевыми заказами, чтобы оно видело перспективу. Тогда будут предпосылки для того, чтобы национальная энергетическая безопасность была обеспечена.

C. Кортунов. Спасибо, Виктор Васильевич. Вы правы в Вашей оценке, что власть последнее время не прислушивается к мнению экспертного сообщества. Но одна из задач Экспертного клуба "Аквилон" и состоит в том, чтобы попробовать переломить эту тенденцию.

Одним из главных соорганизаторов сегодняшнего "круглого стола" является Комиссия международного сотрудничества и общественной дипломатии Общественной палаты Российской Федерации, которую возглавляет Вячеслав Алексеевич Никонов. С удовольствием предоставляю ему слово.

V.A. Никонов. Главный пафос нашего "круглого стола", на мой взгляд, заключается в том, что Россия слаба экономически, не располагает достаточным количеством энергоресурсов, чтобы обеспечивать глобальную энергетическую безопасность, поэтому такую цель ставить не надо.

Думаю, в одиночку ни одна страна, ни одна группа стран не в состоянии обеспечить мировую, глобальную безопасность. Отвергать на этом основании тезис о России как "энергетической сверхдержаве" тоже не бессспорно. Если, конечно, представлять "энергетическую сверхдержаву" как определенную концепцию, которая определяет стратегию развития

России на ближайшие 100 лет, то, наверное, это было бы неправильно. Но "энергетическая держава" и само это словосочетание — просто констатация определенной реальности, которая существует в современном мире. В годы холодной войны было две сверхдержавы, и ни у кого это вопросов не вызывало. Сейчас существуют две ядерные сверхдержавы — это Россия и Соединенные Штаты. У нас просто больше всех ядерных запасов. То, что Россия является ведущей страной по экспорту, добыче, запасам — разведанным и ожидаемым — энергоресурсов, это тоже ни у кого не вызывает вопросов. Поэтому Россия является энергетической сверхдержавой, как являются ею Саудовская Аравия, Соединенные Штаты Америки — "дважды энергетическая сверхдержава" — как один из крупнейших производителей энергоносителей и как крупнейший потребитель энергоносителей. В самой констатации этого факта нет ничего крамольного. Россия, безусловно, энергетическая сверхдержава или великая держава, как хотите.

Мы не оценивали экономическую, политическую и законодательную ситуацию в России. А по этой ситуации Россия в современном мире является наиболее предсказуемым поставщиком энергоносителей. Мы ведь не Боливия, не Венесуэла, не Нигерия, не Саудовская Аравия, не Ирак, не Иран. Может быть, стабилен еще Казахстан. Казахстан и Россия, кстати, сейчас формируют единое экономическое пространство. Поэтому Россия — самый предсказуемый и надежный поставщик, с которым предпочитают иметь дело в гораздо большей степени, чем с кем-нибудь еще. И роль России как источника сырья будет возрастать. Сейчас мы являемся источником энергоносителей для одного из центров силы современного мира — для Европейского союза. Ситуация меняется, и будет меняться в ближайшие годы кардинально. Мы выходим на рынки других крупнейших центров современного мира — Китая, Соединенных Штатов Америки, Японии. И это абсолютно новое качество нашей энергетической политики. Говорят, что "Ковытка" — это безнадежная вещь. Но я думаю, что Владимир Петрович Аверчев, который представляет компанию ВР, немножко больше в курсе дела. Насколько я знаю, стороны достаточно близки к договоренности о том, каким образом начать разработку Ковыткнского месторождения газа, с тем чтобы реализовать газопроект по доставке газа в Китай, который ориентирован именно на это месторождение. Выход на китайский рынок осуществляется довольно массированный, это видно и по нефтяной, и по газовой составляющей. Очевидно, что в ближайшее время будет очень серьезный выход на американский рынок. "Сахалин-1", "Сахалин-2" — это во многом уже открытие этого рынка с западного побережья Соединенных Штатов, в том числе поставками сжиженного газа. "Штокман" — это проект, который во многом

онять же ориентирован на американский рынок. Никто окончательно не закрывал проект строительства нефтепровода в Мурманск, который будет, я уверен, построен. И здесь тоже имеется в виду американский рынок. Существует возможность выхода России на рынок и с другими товарами, не только с сырой нефтью и газом, поставляемыми по нефтепроводу. На одном из последних заседаний Нефтяного клуба выступал Семен Вайншток и сообщил, что направил Президенту России В. Путину предложение о строительстве на конечных участках нефтепроводов, которые идут к границам Российской Федерации, нефтеперерабатывающих предприятий, с тем чтобы за границу шла не сырая нефть, а нефтепродукты, что увеличивает стоимость продаваемых нефтепродуктов в семь раз. Это качественное приращение возможностей России в реализации своей эффективной энергетической политики. И если это будет делаться, то сложится совершенно другая картина. Кстати замечу, что участвую во многих заседаниях, связанных с обсуждением российской энергетической политики, в том числе в Нефтяном клубе, и там тональность обсуждения более конструктивная, более оптимистичная.

Сейчас решается одна из стратегических задач развития России: вывод крупнейших российских транснациональных корпораций в десятку крупнейших транснациональных корпораций мира. Есть известный список журнала "Форчун-500". На вершине этого списка, как считается, должно быть несколько российских компаний, которые обеспечивали бы участие России в мировом совете директоров крупнейших ТНК. Это важная стратегическая и политическая задача для России, если она хочет оставаться в числе государств, которые выполняют функции "головного мозга" современного земного шара. Очевидно, что Россия будет выходить на вершину таких списков именно энергетическими компаниями. "Газпром" — уже сейчас шестая компания в мире. У нее очень хорошие шансы через какое-то время стать первой компанией, тем более что американцы этому "помогают": антимонопольные органы США активно демонтируют компанию "Дженерал электрик", которая занимает первое место в мире. За "Газпромом" последует "Роснефть". Думаю, и третья компания в десятке крупнейших транснациональных корпораций тоже будет энергетической. Это тоже возможное направление реализации российской энергетической политики. Для меня безусловно то, что Россия — одна из великих энергетических держав современного мира и в этом качестве останется на протяжении обозримого будущего.

Л. Григорьев. Сначала про сверхдержаву. По производству, запасам и по экспорту энергоресурсов мы — одна из ведущих стран мира. А в понятие "сверхдержава" обычно вкладывается возможность как-то влиять на события в мире. Я сильно сомневаюсь, что мы хотим быть сверхдержавой